

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

УДК 341.184

КОРЕННЫЕ НАРОДЫ УКРАИНЫ В ПРАВОВЫХ АКТАХ И ПРАКТИКЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Анна ПРИХОДЬКО,
аспирант

Института законодательства Верховной Рады Украины

SUMMARY

The article considers the attempts to resolve the issue of status and rights of indigenous peoples of Ukraine in UN structures', CoE, EU and OSCE activities. The analysis of normative sources and activities of specialized UN bodies prove that Ukraine recognized Crimean Tatar people as indigenous de-jure and Crimean Karaites people de-facto. Non-sustainable vision of indigenous peoples' problems in current UN, OSCE and CoE practice, related to the events of modern interstate conflict in Ukraine, is lighted.

Key words: collective rights, discrimination, indigenous peoples, occupation, organizations of indigenous peoples, recognition of indigenous peoples.

АННОТАЦИЯ

Статья освещает попытки разрешить статус и права коренных народов Украины в деятельности структур ООН, Совета Европы, Европейского союза и ОБСЕ. Проведенный анализ нормативных источников и деятельности специализированных структур ООН показывает, что Украина признала крымскотатарский народ коренным народом де-юре и караимский народ – де-факто. Показана неустойчивость восприятия проблемы коренных народов в текущей практике ООН, ОБСЕ и Совета Европы, посвященной событиям настоящего межгосударственного конфликта в Украине.

Ключевые слова: дискриминация, коллективные права, коренные народы, оккупация, организации коренных народов, признание коренных народов.

Постановка проблемы. Процесс вовлечения Украины и коренных народов Украины в процессы ООН по разработке международных стандартов прав коренных народов, невозможный по определению в советский тоталитарный период, стал значимым после 1991 г. и приобрел особую актуальность с 2014 г. (как в национальном праве, так и на международном уровне).

Актуальность темы. В то же время анализ нормативной базы свидетельствует о неустоявшейся позиции международного сообщества по данному вопросу, что проявляется в противоречивости документов, различиях применяемой терминологии и пр.

Итак, **целью статьи** является анализ правовых актов и практики международных организаций по проблеме статуса коренных народов Украины. Для ее достижения нужно решить следующие научные задачи: установить формат отображения проблематики коренных народов Украины в деятельности специальных механизмов ООН по вопросам коренных народов, исследовать участие коренных народов Украины в данных механизмах, установить международную позицию Украины по вопросу коренных народов Украины, исследовать документы ООН и иных международных организаций, посвященные украино-российскому конфликту и отображающие проблематику коренных народов Украины. Анализ правового статуса коренных народов Украины в работах Б.В. Бабина, Д.М. Киценко, Э.Х. Топаловой и других исследователей содержит лишь фрагментарные и устаревшие данные по предмету нашей статьи.

Изложение основного материала исследования. Довольно продолжительный период официальная позиция украинских дипломатов в ООН не существенно отличалась от предыдущей советской и тогдашней российской. Д.М. Киценко приводит выступления официального пред-

ставителя Украины в Подкомиссии по защите прав меньшинств Комиссии по правам человека (далее – КПЛ) ООН, который в 1993 г. заявлял, что «значение терминов «коренной народ» и «коренная община или нация» остается открытым вопросом», и настаивал на установлении в этой сфере «универсальных определений». В последующем представитель Украины в КПЛ отмечал, что «ни одно из существующих национальных определений или самоопределений коренных народов в международных документах не может применяться как универсальное» и что «очень важно классифицировать этнические группы, чтобы облегчить проведение национальной политики защиты меньшинств и коренных народов» [4, с. 144, 156].

При этом стремление коренных народов Украины к участию в глобальных процессах определения содержания их прав и разработки механизмов их защиты в условиях демократического государственного строя не получало и в тот период фактического сопротивления со стороны правительства Украины как минимум на международной арене. Так, решением ЭКОСОС ООН 1995/317 в 1995 г. были утверждены списки организаций коренных народов (“organizations of indigenous people”), не имеющих консультативного статуса при ЭКОСОС для содействия их дальнейшему участию в Рабочей группе по проекту Декларации ООН о правах коренных народов, принятой в 2007 г. (далее – ДПКН).

В частности, 25 ноября 1995 г. ЭКОСОС было утвержден список 44-х организаций коренных народов, а 2 ноября 1995 г. – перечень из еще 34-х организаций коренных народов. Во втором перечне среди организаций коренных народов был назван «Меджлис крымскотатарского народа (Украина)» (англ. “Mejlis of Crimean Tatar People (Ukraine)”) [11]. Процедура допуска организаций корен-

ных народов к деятельности этой Рабочей группы ООН была более требовательной, сравнительно с допуском таких организаций в Рабочую группу ООН по коренному населению, созданную в 1982 г.; она требовала обязательного предварительного согласования органами ООН кандидатуры организации коренного народа с правительством государства регистрации этой организации согласно п. 5 резолюции ЭКОСОС 1995/32 от 25 июля 1995 г. [13]. Поэтому упоминание о Меджлисе крымскотатарского народа (далее – МКНТ) в решении ЭКОСОС 1995/317 было бы невозможным без предварительного согласия на это правительства Украины.

Видимо именно поэтому Б.Г. Уильямс в монографии 2001 г. касательно данных событий отмечал, что «крымскотатарское сообщество, заинтересованное в правах, гарантированных Конвенцией № 169», требовало соответствующего статуса и «в ответ на требования украинское государство признало крымских татар коренным народом». Интересно, что Б.Г. Уильямс указывает на деятельность в ООН не МКНТ в целом, а Фонда исследования и поддержки коренных народов Крыма (далее – ФДПКНК) как «крымскотатарской организации, которую возглавлял член МКНТ Надир Бекиров» [21, с. 445].

Следует сказать, что требования крымских татар и крымских караимов (караев) о признании себя коренными народами в международно-правовом формате подробно отражены и документированы Б.В. Бабиным [1, с. 140–160], но самое интересное состоит в отображении таких требований в практической деятельности ООН, ее учреждений и органов. На официальном сайте Департамента Секретариата ООН в экономических и социальных делах можно получить упоминания о четырех организациях коренных народов из Украины, зарегистрировавшихся для участия в мероприятиях ООН и пославших на них собственных представителей; это МКНТ, ФДПКНК, Организация крымскотатарских старейшин «Наму» («Согласие») и Всеукраинская ассоциация крымских караимов (англ. “All Ukrainian Association of Crimean Karays”) [15].

Органами ООН официально констатировано участие МКНТ в сессиях Постоянного форума ООН по вопросам коренных народов (далее – ПФКН) с 8-й по 12-ю, ФДПКНК – с 7-й по 13-ю сессии, участие организации караимов в 6-й и 13-й сессиях ПФКН ООН. По воспоминаниям Н. Бекирова, члена МКНТ и председателя ФДПКНК в те годы, в 1994 г. он побывал на 11-й сессии Рабочей группы по вопросам коренного населения, а кроме него, в заседаниях группы «участвовали другие крымские татары и представители караимов и крымчаков» [6, с. 1]. Следует добавить, что ФДПКНК участвовал в деятельности не только рабочих групп и ПФКН, но и УВКПЧ ООН, Программы развития ООН и МОТ, получал в тот период международную помощь на исследование состояния этнических групп Крыма. В тот период ФДПКНК предоставлялись альтернативные отчеты по соблюдению этнических прав в Крыму в конвенционные структуры ООН, отчеты в рабочие группы КПЛ и во Всемирную организацию интеллектуальной собственности [14].

Интересно добавить, что ФДПКНК, стремившийся получить консультативный статус при ЭКОСОС, в 2008 г. получил отказ благодаря совместной позиции МИД России и Украины, согласно которой этот фонд был «замечен в экстремистской и националистической деятельности» [9]. Б.В. Бабин и Э.Х. Топалов констатируют участие «представителей отдельных этнических групп Украины, в частности и в первую очередь – крымских татар, в международных правовых форумах по проблематике коренных народов, начиная с 1994 г.». Исходя из этого, они указывают на то, что «признание международным сообществом прав указанных этнических групп Украины на участие в реше-

нии проблемы коренных народов мира нельзя считать признанием соответствующего статуса этих этнических групп как коренных народов де-юре, но оно может, с определенными оговорками, рассматриваться как их восприятие коренными народами де-факто» [2, с. 18; 10, с. 6], с чем можно согласиться частично, учитывая наличие вышеприведенного решения ЭКОСОС 1995 г. по МКНТ, принятого с формального согласия на то Украины.

Начало украинско-российского конфликта в 2014 г., оккупация и аннексия Крыма Российской Федерацией (РФ) заставили Украину предпринять меры по разъяснению своей позиции по вопросам коренных народов и ДПКН. Заявлением Верховной Рады Украины о гарантиях прав крымскотатарского народа в составе Украинского государства от 20 марта 2014 г. № 1140-VII Украина гарантировала сохранение и развитие этнической, культурной, языковой и религиозной самобытности крымскотатарского народа как коренного народа и всех национальных меньшинств Украины, гарантировала защиту и реализацию неотъемлемого права на самоопределение крымскотатарского народа в составе суверенной и независимой Украинской Державы, признала МКНТ как исполнительный орган Курултая крымскотатарского народа, а сам Курултай – как высший представительный орган крымскотатарского народа; заявила о своей поддержке ДПКН [8].

Как отмечают эксперты, 22 мая 2014 г., в предпоследний день заседания 13-й сессии ПФКН, украинская делегация сделала официальное заявление от имени правительства Украины, в которой Украина попросила считать ее государством, официально поддержала ДПКН. Постоянным представительством Украины при ООН в течение этой сессии дополнительно было организовано мероприятие по освещению проблем крымскотатарского народа в Крыму [10, с. 7]. Поэтому, по мнению Б.В. Бабина, Украина в 2014 г. соблюдала требования международной практики по вопросам присоединения государств к ДПКН [2, с. 16, 19].

В 2015–2016 гг. усилилось взаимодействие Украины и организаций коренных народов Украины в учреждениях ООН по вопросам коренных народов. Так, на 15-й сессии ПФКН в 2016 г. приняла участие фактически единая делегация от органов власти Украины (А.А. Кырымлы и первый заместитель министра информационной политики Украины – Эмине Джеппар) и МКНТ (Эскендер Бариев и Айла Баккал). Во время этой сессии ПФКН Э. Бариев обозначил ряд важных категорий устойчивого развития коренного народа в сфере земель и природных ресурсов [3]. Представители ФДПКНК в 2014–2016 гг. приняли участие в 7-й, 8-й и 9-й сессиях Экспертного механизма ООН по правам коренных народов (далее – ЭМПКН); в 2014 г. ими был представлен доклад о доступе коренных народов к правосудию в условиях оккупации Крыма, а в 2015 г. – предложены к рассмотрению вопросы защиты прав коренных народов, гарантированных ДПКН, Европейским судом по правам человека. В июле 2016 г., на очередной сессии ЭКПКН, ими был сделан доклад об уголовной квалификации депортации крымскотатарского народа, начавшейся в 1944 г., как международного преступления и был предложен ко вниманию ЭМПКН проект закона Украины «О правах коренных народов» [5].

Обострение проблемы защиты прав коренных народов Украины в нынешних условиях нашло свое отображение в актах органов ООН, посвященных украинско-российскому конфликту. Так, п. 12 резолюции СПЧ ООН 26/30 «Сотрудничество и помощь Украине в области прав человека» от 27 июня 2014 г. содержит призыв к «немедленному прекращению всех актов дискриминации и притеснений, в частности в отношении лиц, принадлежащих к меньшинствам и коренным народам», а также других жителей

АР Крым и города Севастополя, «которые не поддержали незаконный референдум, включая этнических украинцев и крымских татар» [12]. Эта резолюция была одобрена СПЧ 23 голосами «за» при 19 «против»; резолюции СПЧ с такими же названиями одобрялись и в 2015–2016 гг., но упоминаний о коренных народах не содержали.

Внимание к вопросу коренных народов было уделено в отдельных положениях докладов Управления Верховного комиссара ООН по правам человека (далее – УВКПЧ) по ситуации с правами человека в Украине (далее – Доклады). Хотя первый в серии таких Докладов от 15 апреля 2014 г. не содержал соответствующих упоминаний, уже второй Доклад от 15 мая 2014 г. имел в структуре специальный подраздел «Права коренных народов» (“Rights of indigenous peoples”, ст. ст. 146–154), в котором, среди прочего, указывалось на, что «сообщения из Крыма вызывают серьезную обеспокоенность продолжающимися притеснениями крымских татар», содержались сведения об осквернении памятника, о нападениях со стороны парамилитарных сил РФ на здание и руководство МКТН, о действиях РФ по их выдавлению из Крыма, содержащимся опасения, что в силу законодательства РФ об экстремистской деятельности работа МКТН «может быть объявлена незаконной и прекращена» [20].

В аналогичном подразделе «Права коренных народов» следующего Доклада от 15 июня 2014 г. содержалась другая тональность; в частности, речь шла о годовщине депортации «крымских татар и других меньшинств», упоминался «указ» «крымского парламента» о «реабилитации» депортированных, но не указывались нарушения прав человека и коренных народов, происходившие в тот период в Крыму. Очередной Доклад от 15 июля 2014 г. уже не содержал отдельного подразделения о правах коренных народов и лишь упоминал о вынужденных переселенцах, «принадлежащих к крымским татарам», о притеснениях и проявлениях дискриминации «в отношении этнических украинцев, крымских татар, представителей религиозных меньшинств, групп меньшинств в целом». В этом акте несколько раз использовался термин «представители крымскотатарской общины» (англ. “representatives of the Crimean Tatar community”) и лишь один раз – «коренной народ Крыма» в отношении крымских татар как цитата соответствующего высказывания украинского омбудсмена [20].

Следующие доклады упоминают о крымских татарах, но не определяют их статус, ограничиваясь нейтральными тезисами, такими как «четыре представителя крымских татар» (“another four Crimean Tatars”) в Докладе за период с 16 февраля по 15 мая 2015 г. В ст. 143 Доклада за период с 16 августа по 15 ноября 2015 г. упомянуто торговую блокаду Крыма, инициированную «крымско-татарскими лидерами» (англ. “Crimean Tatar leadership”) и было упомянуто о парламентском постановлении 2015 г. по депортации крымских татар (но не «крымскотатарского народа» – как в оригинале постановления). В ст. 192 Доклада за период с 16 ноября 2015 г. – 15 февраля 2016 г. упоминается эпизод облавы в крымском селе Долинка, которая «похоже, имела целью запугать местных крымских татар, гордящихся своей национальной идентичностью и стремящихся публично демонстрировать ее» [20].

Только в Докладе за период с 16 февраля – 15 мая 2016 г. появляется специальный подраздел, уже под названием “Minority and indigenous peoples’ rights”, которое в русскоязычной версии доклада было некорректно переведено как «Права меньшинств и коренного населения». В этом Докладе упоминаются «полицейские» операции оккупационной власти против «членов крымскотатарской общины» (ст. 179) и сравнительно большое внимание уделяется запрету оккупационными «прокуратурой» и «судом» МКТН,

причем МКТН определяется как «орган самоуправления крымскотатарского народа» и указывается, что такой запрет может считаться «коллективным наказанием крымскотатарского народа» [20].

Кроме Докладов УВКПЧ, стоит отметить доклад Специального докладчика по вопросам меньшинств СПЧ ООН Риты Йижак A/HRC/28/64/Add.1, предоставленный по итогам ее визита в Украину в марте-апреле 2014 г. В ст. 6 этого доклада специально указывалось на то, что «отдельные общины, в частности – крымские татары, определяют себя как коренные народы», и оговаривалось, что их охват в этом докладе в рамках «мандата, связанного с вопросами меньшинств, отнюдь не подрывает и не является несовместимым с их претензиями на статус коренного народа и на осуществление прав, закрепленных в ДПКН» [19].

В ст. 29 доклада указано, что «Специальный докладчик пообщиалась также с представителями групп (в том числе русинов), которые считают, что их не признают в качестве меньшинств или коренных народов, как они сами себя определяют». Хотя Специальный докладчик не смогла попасть в Крым, она провела консультации с лидерами МКНТ, который называется автором как «татарский орган самоуправления» (ст. 49). В тексте Специальный докладчик использует как этноним «татары», так и «крымские татары», указывая, среди прочего, на «возвращение татар, являющихся коренными жителями АР Крым» и на их «притязания на земельные права в качестве коренного народа» [19].

Вспоминая об ограничении прав и запугивании крымскотатарского народа со стороны оккупационных властей, Р. Йижак упоминает как о вышеуказанном заявлении Верховной Рады Украины № 1140-VII, так и об «указе о мерах по реабилитации армянского, болгарского, греческого, крымскотатарского и немецкого населения и о государственной поддержке их возрождения и развития», принятом властью РФ после оккупации Крыма [19].

Стоит указать на практику оценки статуса коренных народов Украины в деятельности других международных структур. Определенное внимание крымскотатарскому вопросу в 2000 г. было уделено Парламентской ассамблеем Совета Европы (ПАСЕ), в Рекомендации 1455 (2000) «Репатриация и интеграция крымских татар» [18] (англ. “Repatriation and integration of the Tatars of Crimea”), название и содержание которой в официальной англоязычной версии, ее официальных переводах на русский и украинский языки содержат, к сожалению, существенные смысловые различия.

Так, крымские татары в ст. 1 Рекомендации именуется соответственно как “entire Crimean Tatar population”, «население крымских татар» и «крымскотатарське населення», в ст. 3 говорится соответственно о “Crimean Tatar community”, «сообществе крымских татар» и о «крымскотатарській громаді». Также в ст. 1 Рекомендации указан советский указ 1967 г., согласно которому якобы “cleared the Crimean Tatars of all charges”, «с крымских татар были сняты все обвинения» и «крымскотатарський народ був повністю реабілітований». Таким образом, признание крымскотатарского этноса именно народом в Рекомендации 1455 (2000) имеется лишь в ее украиноязычной версии. С другой стороны, в п. 7.8 этой Рекомендации Правительству Украины и региональным органам власти АР Крым предлагается изучить опыт других стран-членов Совета Европы в соответствии со стандартами “representation of minorities and indigenous peoples, with a view to securing the effective representation of the Crimean Tatars in national, Crimean and local public affairs” [18] («представительства меньшинств и коренных народов для того, чтобы обеспечивать и поддерживать представительство крымских татар при решении вопросов на национальном уровне, в Крыму и на местах»).

Такое предложение оригинального текста Рекомендации, довольно взвешенно предлагавшее применить к этой этнической группе, среди прочего, стандарты представительства коренных народов, в украиноязычной версии прозвучало касательно «представительства малых национальных меньшин в региональных парламентах с метою забезпечувати та підтримувати представництво кримських татар в інститутах влади Криму», то есть термин «коренные народы» с официального перевода Рекомендации 1455 (2000) был искусственно удален.

Эта рекомендация ПАСЕ основывалась на докладе депутата Ассамблеи от Великобритании, лейбориста лорда Ф.М.Т. Понсонби Комитету ПАСЕ по вопросам миграции, беженцев и демографии от 18 февраля 2000 г., составленном по итогам его визита в Украину, общения с представителями государственной власти, органов власти АР Крым и с отдельными членами МКТН. В п. 4 этого доклада Ф.М.Т. Понсонби признает, что крымские татары имеют в Крыму «историческую родину» (англ. “historic homeland”) и указывает на то, что они, «в отличие от других этнических групп», требуют предоставления им статуса коренного народа (англ. “lay claim to the status of indigenous people”). При этом, поскольку докладчик Ф.М.Т. Понсонби «не смог получить ответ на то, что этот статус означает в правовом измерении» (англ. “could not get an answer as to what that status implies in legal terms”), данный депутат ПАСЕ выразил мнение, что он «является эвфемизмом титульной нации» (англ. “a euphemism for titular nation”) и может использоваться «крымскотатарскими экстремистами как первый шаг к национальной автономии», причем «многие крымские татары, принимая решение о возвращении в Крым, руководствовались нереалистичными ожиданиями их отдельных политических лидеров» [18].

В ст. 3 Резолюции ПАСЕ 2028 (2015) от 27 января 2015 г. по итогам доклада Комиссара Совета Европы по правам человека относительно его визита в Крым в сентябре 2014 г. указано на «преследование и дискриминацию этнического украинского и крымскотатарского населения» (англ. “Ethnic Ukrainian and Crimean Tatar populations”). В ст. 16.4 этого акта содержится призыв к международному сообществу «продолжать внимательно следить за ситуацией в Крыму, в частности в отношении крымских татар, с тем, чтобы им полностью гарантировались все права человека и фундаментальные свободы». Эти вопросы подробнее были развиты в резолюции ПАСЕ 2034 (2015) от 28 января 2015 г., в которой указывалась обеспокоенность ПАСЕ ситуацией с «меньшинствами в Крыму, в частности с крымскотатарским сообществом» (англ. “Minorities in Crimea, in particular the Crimean Tatar community”). В то же время уже в следующем предложении МКТН был охарактеризован Резолюцией 2034 (2015) как «совет представителей крымскотатарского народа» (англ. “Mejlis (council of representatives of the Crimean Tatar people)”) [7].

В ст. ст. 4, 10.2 Резолюции ПАСЕ 2112 (2016) от 21 апреля 2016 г. упоминаются наказуемые РФ «крымскотатарские и украинские активисты» (англ. “Crimean-Tatar and Ukrainian activists”); в ее ст. 4 также содержится осуждение «недавнего запрета Меджлиса как экстремистской организации, противоречащего международным стандартам и демонстрирующего систематическое нарушение прав крымских татар» [7]. Учитывая, что ключевым международным стандартом в этой ситуации должно считаться ДПКН, можно утверждать, что ПАСЕ в целом соглашается со статусом крымских татар как коренного народа, хотя четкой позиции и глоссария по этому поводу Советом Европы еще не разработано.

После начала украинско-российского конфликта последовательно усиливает внимание к вопросу прав коренных народов Украины, попавших в условия оккупации и юрис-

дикции РФ, такая структура, как ОБСЕ. В ст. 8 Резолюции Парламентской ассамблеи ОБСЕ 2014 г. «Очевидное, грубое и неисправленное нарушение Хельсинкских принципов Российской Федерацией» говорится о нападениях, притеснениях и запугивании в отношении «крымских татар, цыган, евреев и других национальных меньшинств», а в ст. 31 Резолюции Парламентской ассамблеи ОБСЕ 2015 г. «Продолжение очевидных, грубых и неисправленных нарушений РФ обязательств в рамках ОБСЕ и международных норм» упоминаются запугивания, преследования и дискриминации «по группам населения из числа крымских татар и этнических украинцев» (англ. “directed against the Crimean Tatar and ethnic Ukrainian populations”) [17].

В то же время в Резолюции ОБСЕ 2016 г. «Нарушение прав человека и основных свобод в АР Крым и городе Севастополе, наряду с общими оговорками относительно потребностей соблюдения РФ как оккупирующей державой требований международного права прав человека в Крыму, в ст. 12 содержится решительный протест против принятого «так называемого решения о запрете МКТН от 26 апреля 2016 г.» и неоднократно говорится о дискриминации «в отношении этнических украинцев и крымских татар». В ст. 21 англоязычного текста этой Резолюции говорится о “discrimination against the indigenous Crimean Tatar people and ethnic Ukrainians” с использованием несколько иной лексической конструкции во франкоязычном тексте “discrimination croissantes a l’encontre de la population autochtone des Tatars de Crimee et des Ukrainiens”, что переводится как «дискриминация в отношении принадлежащих к коренному населению крымских татар и этнических украинцев» с избеганием полноценного использования термина «коренной народ» [17].

Внимание к вопросу коренных народов Украины в сложившихся условиях уделяет и Европейский парламент, о чем свидетельствует Резолюция этого органа ЕС «О ситуации с правами человека в Крыму, в частности в отношении крымских татар» от 3 февраля 2016 г. 2016/2556 (RSP). Хотя этот документ содержит, среди прочего, такие не совсем удачные термины, как “Tatar community” и “the Tatars”, в его ч. “Н” говорится о депортации “entire population of Crimean Tatars, an indigenous people of Crimea”, то есть «всего крымскотатарского населения как коренного народа Крыма», в ст. 3 ч. “Н” отмечено то, что в соответствии с международным правом [крымские] татары как коренной народ Крыма (англ. “the Tatars, as an indigenous people of Crimea”) имеют право поддерживать и сохранять собственные политические, правовые, экономические, социальные и культурные учреждения; содержится призыв к уважению МКТН как «легитимного представительного органа крымскотатарского сообщества» и др. В этой Резолюции 2016/2556 (RSP) Европейский парламент выражает обеспокоенность в связи с нарушением имущественных прав и свобод крымских татар, «их запугиванием и лишением свободы, неуважением их гражданских, политических и культурных прав» оккупационными властями РФ в Крыму [16]. Аналогичные положения в этот период появляются в отчетах международных правозащитных организаций, аффилированных с ЕС, таких как “Minority Rights Group International”.

Выводы. Среди этнических групп Украины официальное признание де-юре в качестве коренного народа со стороны ООН и иных международных организаций, а также от властей Украины получил крымскотатарский народ; также де-факто в качестве коренного народа Украины этими субъектами рассматривается караимский народ (крымские караимы-караи). Украинско-российский конфликт привел к постепенному усилению внимания со стороны ОБСЕ, Совета Европы и Евросоюза к проблеме прав коренных народов Украины, их гарантий и механизмов защиты; при

этом уровень владения экспертами данных организаций стандартами и терминами ООН в сфере коренных народов является недостаточным. Имплементация указанных документов ООН, Евросоюза, Совета Европы и ОБСЕ в практику защиты прав коренных народов может стать объектом дополнительного научного поиска.

Список использованной литературы:

1. Бабін Б.В. Конституційно-правовий статус корінних народів України : дис. ... канд. юрид. наук : спец. 12.00.02 «Конституційне право» / Б.В. Бабін. – Донецьк, 2004. – 239 арк.
2. Бабін Б.В. Статус корінних народів у сучасному міжнародному праві : наукова доповідь / Б.В. Бабін. – К. : КНУ ім. Т.Г. Шевченка, 2014. – 37 с.
3. Дев'ята сесія Експертного механізму з прав корінних народів / ХНТУ, 21 червня 2016 р. [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://kntu.net.ua/index.php/ukr/content/view/full/35732>.
4. Киценко Д.М. Міжнародно-правовий статус корінних народів : дис. ... канд. юрид. наук : спец. 12.00.11 «Міжнародне право» / Д.М. Киценко. – К., 2003. – 218 с.
5. Крымские татары представлены на форуме ООН // Агенство «Крымские новости». – 10 мая 2016 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://qha.com.ua/ru/politika/krimskie-tatari-predstavleni-na-forume-oon/159264>.
6. Надир Бекиров: Декларация ООН о правах коренных народов – полезный инструмент в решении проблем крымских татар (интервью Гульнары Усеиновой) // Голос Крыма. – 2015. – № 4. – 24 апреля. – С. 1–2.
7. Парламентська асамблея Ради Європи. Довідкова інформація [Електронний ресурс]. – Режим доступа : http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/mpz/organizations.mpo_info?o_id=64.
8. Про Заяву Верховної Ради України щодо гарантії прав кримськотатарського народу у складі Української Держави : Постанова Верховної Ради України від 20 березня 2014 р. № 1140-VII // Відомості Верховної Ради України. – 2014. – № 15. – Ст. 581.
9. Сессия Комитета по неправительственным организациям (КНПО) // МИД РФ. – 14 мая 2008 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.mid.ru/rossia-nepravitelstvennye-organizacii-i-oon/-/asset_publisher/aLRfN6MT9msV/content/id/338396.
10. Топалова Е.Х. Забезпечення прав корінних народів: міжнародні документи та українські реалії / Е.Х. Топалова // Теорія та практика державного управління і місцевого самоврядування. – 2016. – № 1. – С. 3–10.
11. Applications from organizations of indigenous people not in consultative status with the Economic and Social Council for participation in the open-ended : Decision 1995/317 of UN Economic and Social Council, 1995 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.un.org/documents/ecosoc/dec/1995/edec1995-317.htm>.
12. Cooperation and assistance to Ukraine in the field of human rights : Resolution of the UN Human Rights Council 26/30 on 27 June 2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G14/083/76/PDF/G1408376.pdf?OpenElement>.
13. Establishment of a Working Group of the CHR to Elaborate a Draft Declaration in Accordance with Paragraph 5 of GA Resolution 49/214 : Resolution 1995/32 of UN Economic and Social Council, 25 July 1995 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.un.org/documents/ecosoc/res/1995/eres1995-32.htm>.
14. Foundation for Research and Support of the Indigenous Peoples of Crimea (Simferopol) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.iccrimea.org/ngos/indigen.html>.
15. NGO branch, UN Department on Economic and Social Affairs [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://esango.un.org/civilsociety>.
16. On the human rights situation in Crimea, in particular of the Crimean Tatars : European Parliament resolution 2016/2556 (RSP), 3 February 2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do>.
17. OSCE Parliamentary Assembly. Annual Sessions [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.oscepa.org/documents/all-documents/annual-sessions>.
18. Repatriation and integration of the Tatars of Crimea : Recommendation of PA of the CoE 1455 (2000) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-en.asp?fileid=16793&lang=en>.
19. Report of the Special Rapporteur on minority issues, Rita Izsak. Mission to Ukraine A/HRC/28/64/Add.1, 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.ohchr.org/EN/HRBodies/HRC/RegularSessions/Session28/Documents/A_HRC_28_64_Add_1_en.doc.
20. Reports on the human rights situation in Ukraine, 2014–2016 // Office of the UN HCHR [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.un.org.ua/images/stories>.
21. Williams B.G. The Crimean Tatars: The Diaspora Experience and the Forging of a Nation / B.G. Williams. – Leiden : E.J. Brill, 2001. – 522 p.